

Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности

Р.Р. ГУМЕРОВ, кандидат экономических наук. E-mail: gumerovrr@mail.ru

Н.В. ГУСЕВА, кандидат экономических наук, Институт макроэкономических исследований, Москва. E-mail: ms.natalia.guseva@yandex.ru

В статье дается комплексная оценка современной политики импортозамещения в сфере агропродовольственного рынка, основанная на балансе ее позитивных и негативных эффектов. Делается вывод о том, что политика импортозамещения должна учитывать потенциальные риски и угрозы, связанные как с возможным сопутствующим ростом продовольственных цен и ухудшением продовольственного статуса наименее обеспеченных групп населения, так и с технико-технологической зависимостью отечественного сельскохозяйственного производства от внешнего рынка.

Ключевые слова: национальная продовольственная безопасность, импортозамещение, продовольственная самообеспеченность, национальная продовольственная стратегия, физическая и экономическая доступность продовольствия

После принятия Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [1] страна взяла курс на так называемое импортозамещение, т.е. на замещение ввозимых из-за рубежа продовольственных товаров и сырья для их производства аналогичными либо конкурирующими отечественными товарами. Конечной целью и результатом импортозамещения является повышение доли отечественных продовольственных товаров в общем объеме товарных ресурсов соответствующих продуктов. Именно этот показатель в отношении основных продуктов питания Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина) устанавливает в качестве критерия продовольственной безопасности [2]. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации обозначены предельные (пороговые) значения удельного веса отечественной продукции по следующим видам: зерну, сахару, растительному маслу, мясу и мясопродуктам, молоку

и молокопродуктам, рыбной продукции, картофелю, пищевой соли. Однако насколько импортозамещение отвечает тем признакам и критериям продовольственной безопасности, которые сформулированы в аутентичных международных документах, и способно ли импортозамещение как таковое само по себе противодействовать угрозам продовольственной безопасности Российской Федерации?

Как оценивать продовольственную безопасность?

Аутентичный англоязычный термин *foodsecurity* может быть переведен двояко: как «продовольственная безопасность» и как «продовольственная обеспеченность». На самом деле он как бы синтезирует оба этих понятия. В значении «продовольственное обеспечение/обеспеченность» внимание акцентируется на факторах аграрного роста и бесперебойного продовольственного снабжения, в значении «безопасность» – на противодействии и предотвращении рисков и угроз продовольственному обеспечению. Де-факто понимание двойственной природы национальной безопасности (в том числе продовольственной как ее составной части) реализовано в Стратегии национальной безопасности РФ (далее – Стратегия). Стратегия исходит из неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития страны, т.е. реализует идею единства национальных интересов и стратегических приоритетов социально-экономического развития страны, с одной стороны, и системы защиты от внутренних и внешних угроз, – с другой.

В русском языке аналогичный двуединый термин, к сожалению, отсутствует, что и вызывает такой разброс мнений относительно сути понятия «продовольственная безопасность», в частности, появление термина «продовольственная независимость» и последующее отождествление последней с самообеспеченностью.

Прежде всего, следует разграничить понятия глобальной и национальной продовольственной безопасности. Концепция глобальной продовольственной безопасности трактует продовольственную безопасность как обеспечение всеобщего доступа к адекватному питанию, исходя из признаков продовольственной

безопасности, выработанных и сформулированных мировым сообществом в течение достаточно длительного периода. Термин «продовольственная безопасность» был введен в официальный оборот в 1974 г. на Всемирной конференции по проблемам продовольствия. Взгляды мирового сообщества на проблему продовольственной безопасности последовательно эволюционировали от преимущественно технических вопросов продовольственного обеспечения (надежность поставок, объемы предложения и запасов) к идее обеспечения одного из фундаментальных прав человека – права на достаточное и полноценное питание для ведения активного образа жизни. Комитет по всемирной продовольственной безопасности определяет продовольственную безопасность как триединую концепцию, основанную на критериях наличия (availability), доступности (access) и стабильности (stability). ОЭСР предлагает применять следующие характеристики продовольственной безопасности: наличие, доступность и использование (utilization) [3. С. 5].

Различные национальные концепции продовольственной безопасности сосредоточиваются на необходимости разработки и реализации особой национальной стратегии обеспечения всеобщего права на адекватное питание на национально-государственном уровне, в пределах определенной территории и в интересах собственного населения. Сформулированные основы глобальной продовольственной безопасности дополняются, таким образом, компонентой продовольственной независимости, под которой авторы, в отличие от официальной позиции, зафиксированной в Доктрине, понимают *способность проводить суверенную продовольственную политику и формировать национальную продовольственную стратегию.*

Национальная продовольственная стратегия определяет долгосрочные цели и задачи в сфере гарантированного продовольственного обеспечения различных социальных групп населения и развития сельских территорий, направления и способы их реализации, а также механизмы предотвращения и противодействия угрозам гарантированному продовольственному обеспечению путем наиболее полного использования агроэкономического потенциала, рационального распределения ограниченных ресурсов и координации деятельности всех участников продовольственного рынка. Она реализуется через пакет

документов стратегического планирования в сфере продовольственных рынков¹.

Очевидно, что импортозамещение – это не единственная и самодостаточная стратегия обеспечения продовольственной безопасности страны; более того, оно не всегда является самой рациональной и эффективной стратегией. План действий Всемирного продовольственного саммита (1996) констатирует, что «растущее производство, в том числе традиционных культур и продуктов их переработки, в эффективной комбинации с импортом продовольствия, запасами и международной торговлей (курсив авт.) может усилить продовольственную безопасность и сглаживать региональные различия» [4]².

Если на национальном уровне сокращение импорта при прочих равных условиях можно оценивать как укрепление продовольственной независимости страны, то на уровне отдельных домохозяйств и индивидов оно может вызывать ухудшение продовольственного статуса целых групп населения с невысокими доходами вследствие недостаточности общих ресурсов продовольствия и неравномерного их распределения.

Сокращение импорта может также провоцировать поставки на внутренний рынок некачественных продуктов питания (фальсификатов и суррогатов) и углубление региональной дифференциации потребления, поскольку ограниченные продовольственные ресурсы будут концентрироваться в крупных городах. Эти риски должны получить адекватную оценку при принятии решений в сфере импортозамещения. Даже в Продовольственной программе СССР, при всей закрытости советской экономики, не ставилась задача обеспечения максимальной автономности внутреннего продовольственного рынка, приоритет отдавался потреблению.

¹ Применительно к Российской Федерации можно назвать федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», а также следующие документы стратегического планирования: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации; Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы; Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года; Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года и др.

² Дается в авторском переводе: «Increased production, including traditional crops and their products, in efficient combination with food imports, reserves, and international trade can strengthen food security and address regional disparities».

В зарубежной литературе выделяются две базовые, апробированные мировой практикой стратегии продовольственной безопасности в контексте самообеспеченности: food self-sufficiency и food self-reliance [3. С. 20]. С определенной долей условности их можно перевести соответственно как: 1) продовольственная самообеспеченность и 2) продовольственная самокупаемость.

Стратегия самообеспеченности исходит из императива максимального ограничения импорта продовольствия. Именно этой стратегии соответствует понятие продовольственной независимости, используемое в Доктрине продовольственной безопасности РФ («устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объемах не меньше установленных пороговых значений...»).

В отличие от стратегии самообеспеченности, *стратегия продовольственной самокупаемости* основана на сравнительной оценке, с одной стороны, совокупного экономического потенциала и возможностей собственного аграрного производства, с другой – баланса всех рисков и преимуществ внешней торговли продовольствием. Страна может варьировать сравнительные объемы собственного производства и импорта продовольствия, если при этом устойчивость внешних поставок продовольствия гарантируется общеэкономическим потенциалом страны, состоянием торгового баланса, объемом и структурой экспорта, золотовалютными резервами, диверсификацией поставщиков³. Именно такой стратегии должна придерживаться Российская Федерация.

Зависимость от импорта при наличии того аграрного потенциала, которым обладает Россия, является, безусловно, слабостью национальной продовольственной системы, но сама по себе эта слабость не представляет угрозу национальной продовольственной безопасности. Если, скажем, возникают условия, при которых импорт продовольствия становится проблематичным (продовольственное эмбарго, резкое падение курса национальной валюты), то угрозу продовольственной безопасности представляют эти условия, а не импортные поставки как таковые [5. С. 41–42]. Актуальными угрозами подобного рода видятся лицемерные правила международной торговли продовольствием в формате

³ Зарубежные исследователи считают вполне допустимым даже такой вариант, когда сельхозугодья используются для производства более рентабельной непродовольственной продукции, а продукты питания закупаются по каналам внешней торговли.

ВТО и попытки использования продовольственных поставок в качестве рычага политического давления.

Зависимость от импорта как таковая может быть признана критической, если страна: 1) попадает в устойчивую зависимость от экономической помощи со стороны развитых государств и международных организаций в виде гуманитарной помощи, связанных кредитов для закупки продовольствия и других льгот; 2) не обладает необходимой сопротивляемостью в отношении политического давления, которое способна вызвать физическая нехватка продовольствия.

Подмена понятий в отношении продовольственной безопасности и самообеспеченности продовольствием имеет определенные исторические корни. В свое время журнал «Экономист» объяснил этот феномен резким ростом цен в период глобального продовольственного кризиса 2007–2008 гг.: «Рост цен на продовольствие в 2007–2008 годах заставил все страны беспокоиться о “продовольственной безопасности” – и это справедливо. Но за прошедший год “продовольственная безопасность” (обеспечение всеобщего доступа к достаточному продовольствию) трансформировалась в “продовольственную самообеспеченность”. Самообеспеченность стала основной политической целью во многих странах» [6]. Помимо этого, в нашей стране еще свежа память о массовых интервенциях дешевого импортного продовольствия (не всегда качественного) 1990-х годов. К тому периоду близорукой политики «открытых дверей» относится печально известное высказывание Б. Федорова, занимавшего тогда посты заместителя Председателя Правительства и министра финансов Российской Федерации: «Наше сельское хозяйство убыточное, зачем нам его поддерживать? Будем продавать нефть, газ, металлы, лес и закупать продовольствие. Это обойдётся дешевле» [7].

Эффекты импортозамещения – векторы оценки

В контексте продовольственной безопасности мы должны оценивать результаты импортозамещения в первую очередь в соответствии с общепринятыми критериями наличия, физической и экономической доступности продовольствия, а также устойчивости продовольственного обеспечения. И дело здесь не в формальном следовании решениям и рекомендациям международных

форумов и организаций, а в понимании сути всеобщего права на здоровое и полноценное питание.

Первоначально (сразу после издания указа Президента) процесс импортозамещения протекал в форме замещения традиционных поставщиков, поиска новых стран-экспортеров. Сейчас мы наблюдаем, что импортозамещение начинает трактоваться и реализовываться не как замещение, а как отказ от импорта, а *интересы производителей начинают превалировать над интересами потребителей* (причины этого феномена не рассматриваются в данной статье). Не случайно министр сельского хозяйства РФ А. Ткачев назвал рост курса национальной валюты ударом по отечественной экономике, хотя с точки зрения потребителей продовольствия укрепление рубля является позитивным фактором [8].

Каковы на сегодняшний день непосредственные результаты импортозамещения? Импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья за последние годы сократился с 43076 млн долл. США в 2013 г. до 24902 млн долл. в 2016 г.⁴ Очевидно, что почти двукратное сокращение импорта всего за три года не могло быть компенсировано соответствующим приростом собственной продукции; полагаем, оно сопровождалось сокращением ассортимента продовольственных товаров, потребляемых российским населением, потерей разнообразия рациона питания (эта гипотеза подтверждается как данными о среднедушевом потреблении основных продуктов питания, так и результатами опросов). И если мы проанализируем динамику продовольственного импорта основных видов сельскохозяйственной продукции (в натуре) и соотнесем ее с динамикой внутреннего производства, то обнаружим не только позитивные, но и негативные эффекты импортозамещения (таблица).

Производство молока и молочных продуктов продолжает стагнировать, что на фоне заметного сокращения импорта результируется в сокращении объемов потребления соответствующей продукции. Прирост улова рыбы и добычи других видов водных ресурсов не компенсирует резкого снижения их импорта, аналогичная картина складывается и в отношении фруктов и ягод.

⁴ Тем не менее сальдо торгового баланса в части сельскохозяйственного сырья и продовольствия остается отрицательным.

Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению импорта овощей и бахчевых культур, в частности, в период 2013–2016 гг. он снизился на 496 тыс. т, но объем ввоза этой продукции все еще выше объемов ввоза в 1995 г. и в 2000 г.

**Баланс ресурсов и использования основных видов
продовольственных ресурсов в 2013 г., 2016 г., тыс. т* [9]**

Продовольственные ресурсы	2013	2016
<i>Мясо и мясопродукты</i>		
Производство	8545	9899
Импорт	2480	1246
Личное потребление	10812	10851
<i>Молоко и молочные продукты</i>		
Производство	30529	30759
Импорт	9445	7544
Личное потребление	35633	34666
<i>Рыба и рыбопродукты</i>		
Улов рыбы и добыча других видов водных ресурсов	4522	4812
Импорт	2121	1055
Личное потребление	3558	2898
<i>Овощи и продовольственные бахчевые культуры</i>		
Производство	16109	18041
Импорт	2817	2321
Личное потребление	15712	16358
<i>Фрукты и ягоды</i>		
Производство	3380	3863
Импорт	7201	6517
Личное потребление	9180	9021

*Без учета движения запасов на начало и конец года, использования на иные цели и потерь.

Наибольшие успехи в сфере импортозамещения отмечены в отношении мяса и мясопродуктов. Импорт мяса за 2013–2016 гг. сократился с 2480 до 1246 тыс. т, собственное производство увеличилось на сопоставимую величину (+1354 тыс. т). По имеющимся расчетам, в 2015 г. впервые был превышен минимальный порог продовольственной независимости (читай: самообеспеченности) по мясу, установленный Доктриной на уровне 85%. В 2013 г. фактическое значение показателя составляло 78,4%, в 2015 г. оно достигло 89,8%, в 2016 г. выросло до 92%. Именно на мясном рынке наблюдается основной парадокс нынешнего

импортозамещения, ориентированного на производителя – *при существенном росте доли отечественной продукции в общих рыночных ресурсах мяса и мясопродуктов расчетное среднедушевое потребление мясной продукции в этот период столь же заметно сократилось – с 75,98 кг до 73,72 кг* [10]. Одновременно произошли системные структурные сдвиги в потреблении мясной продукции, существенно выросла доля мяса птицы и сократилась доля говядины.

Еще одним нежелательным эффектом нынешнего импортозамещения является ухудшение условий экономического доступа российского населения к продовольствию, особенно это касается наименее обеспеченных слоев [11]. Фактор ценовой доступности, баланс цен и доходов, как правило, не принимается во внимание при оценке результатов импортозамещения, хотя он имеет существенное значение в контексте национальной продовольственной безопасности.

Эффект «полных прилавков» в крупных городах может подерживаться высокими – относительно доходов граждан – ценами на продукты питания и низким платежеспособным спросом значительной массы населения. Суть этого эффекта доходчиво и цинично раскрыл в 2003 г. тогдашний премьер-министр России М. Касьянов, заявивший, что правительство не имеет возможности повысить минимальную оплату труда до уровня прожиточного минимума (что, кстати, не сделано до сих пор), поскольку в этом случае население сметет все с полок магазинов, «и магазины будут пустыми» [12. С. 335]. Напротив, искусственно поддерживаемый низкий уровень розничных цен на продовольственные товары в советской экономике, имевший целью повышение их доступности, привел в конечном счете к противоположным результатам – вымыванию продуктов питания из государственной торговой сети и распространению их через теневые каналы, доступные наиболее обеспеченным слоям населения с определенным социальным статусом.

В начале сентября 2016 г. премьер-министр Д. Медведев заявил, что «результаты успехов сельского хозяйства каждый гражданин нашей страны может оценить лично, когда покупает продукты. Люди видят, что политика импортозамещения действительно дает свои результаты. В магазинах стало гораздо больше качественных отечественных продуктов, которые

действительно доступнее по цене, нежели импортные» [13]. Однако статистика свидетельствует об иной ценовой ситуации на продовольственном рынке. По оценкам экспертов Высшей школы экономики, при общем снижении реальных доходов российских граждан с октября 2014 г. по май 2017 г. на 19,2% наибольшими темпами росли цены на продукты питания: последние повысились на 28,5% (на непродовольственные товары – на 26,2%, услуги – на 21,3%) [14]. По официальным данным, в 2013–2016 гг. численность населения, имевшего доходы ниже величины прожиточного минимума, возросла с 15,5 млн чел. (10,8% населения) до 19,8 млн чел. (13,5%). По сути, это люди, живущие за чертой бедности и не имеющие возможности приобрести даже минимальный набор продуктов питания. Действительный дефицит потребления значительно выше, если учитывать, что минимальной набор продуктов питания, входящий в состав потребительской корзины, по своим объемным и ассортиментным параметрам заметно уступает научно обоснованным нормам потребления.

В ходе исследования ВЦИОМ, проведенного в мае 2017 г., каждый десятый опрошенный россиянин отметил нехватку денег на продукты питания, около трети респондентов (29%) заявили, что у них есть деньги на еду, но нет средств на покупку одежды, 41% не способны накопить на бытовую технику, электронику и мебель [15]. А ведь в одном из документов ООН констатируется, что личные финансовые расходы или расходы домашнего хозяйства на приобретение продовольствия надлежащего рациона должны характеризоваться таким уровнем, который не ставит под угрозу и не подрывает удовлетворение других основных потребностей [16]. Только в этом случае и в таком контексте мы можем говорить о действительной продовольственной безопасности российских граждан. Естественно, было бы ошибкой относить эффект подорожания продовольствия исключительно на счет импортозамещения, тем не менее его влияние очевидно.

В погоне за валовыми показателями «собственного производства» постепенно утрачиваются наши конкурентные преимущества в отношении качества продовольственных товаров, в связи со снижающейся платежеспособностью населения сформировался новый сегмент продовольственного рынка, ориентированный

на группы населения с низкими доходами и представленный продуктами-суррогатами типа сырного, кефирного, молочного продуктов.

Нельзя не упомянуть и о такой проблеме, как научно-технологическая отсталость нашего сельского хозяйства, которая выражается в зависимости от зарубежного семенного и племенного материалов. Причем эта зависимость наиболее велика в тех отраслях и секторах, которые развиваются высокими темпами и имеют лучшие результаты в области импортозамещения [11]. Наличие проблемы было еще раз специально зафиксировано на совещании по вопросам развития сельского хозяйства 13 октября 2017 г. в г. Воронеже [17]. В долгосрочном плане эта проблема будет решаться в рамках реализации Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы, однако пока нам приходится мириться еще с одним парадоксом современного импортозамещения: чем больше при прочих равных условиях мы производим собственной аграрной продукции, тем в большую зависимость от импортных поставок мы попадаем!

Основные выводы

Разделяя взгляды большинства отечественных экономистов по поводу высокого потенциала нашего сельского хозяйства и имеющихся значительных резервов его использования, полагаем, что в рамках национальной продовольственной стратегии должны и будут, безусловно, решаться задачи импортозамещения и наращивания экспорта – но не как самостоятельные и целеполагающие приоритеты, а как задачи производные, сопутствующие, способствующие решению главных задач. Иначе мы рискуем попасть в ловушку ложных целей, как в старом анекдоте: «В целях борьбы с вредителями министерство сельского хозяйства Китая объявило, что за каждую сданную саранчу будет выдан 1 юань. Теперь все крестьяне разводят саранчу».

К числу основных целей агропродовольственной политики мы относим наращивание производства и расширение ассортимента производимых продовольственных товаров, содействие росту благосостояния российского населения путем повышения физической и экономической доступности продуктов питания, развитие сельских территорий как сферы сельскохозяйственного

производства и среды обитания сельского населения. Эти цели должны быть зафиксированы и по возможности квантифицированы в Доктрине продовольственной безопасности РФ и других документах стратегического планирования.

Политика импортозамещения должна балансировать интересы производителей и потребителей продовольствия. Не отрицая необходимости реализации мер по импортозамещению как в принципе, так и в контексте конкретных сложившихся обстоятельств, отметим – они должны учитывать потенциальные риски и угрозы, связанные с возможным сопутствующим ростом цен и ухудшением продовольственного статуса наименее обеспеченных групп населения, и включать соответствующие демпфирующие меры.

Очевидно, что заявленная политика импортозамещения должна формулироваться и реализовываться более широко и системно, охватывать не только конечную продукцию, но и продукцию связанных с сельским хозяйством отраслей и производств, прежде всего тех, которые определяют научно-технический прогресс в агропродовольственном комплексе.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации / Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560.
3. Trade Reforms and Food Security. Conceptualizing the Linkages // FAO.– 2003.– Rome.
4. World food summit – 13–17 November – Rome. World Food Summit Plan of Action, i.5 // URL: <http://www.fao.org/docrep/003/w3613e/w3613e00.htm> (дата обращения: 31.08.2017).
5. Афонцев С. А. Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной трансформации // Социально-экономическая трансформация в России: науч. доклады Московского общественного научного фонда – 2001. Вып. 131.
6. How to feed the world // Business as usual will not do it.–2009.– 19th Nov. URL: <http://www.economist.com/node/14915144> (дата обращения: 15.10.2017).
7. Руслан Хасбулатов: кто и почему смеялся над Гайдаром? // Аргументы и факты.– 2010.– 10 фев. URL: <http://www.aif.ru/money/business/16207> (дата обращения: 14.11.2015).

8. Ткачев назвал укрепление рубля ударом по экономике России. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/16/tkachev/> (дата обращения: 13.10.2017).
9. URL: <http://ab-centre.ru/news/potreblenie-myasa-v-rossii-za-2016-god-vyroslo-na-1-kg> (дата обращения: 13.10.2017).
10. Балансы продовольственных ресурсов // Интернет-портал Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 16.10.2017).
11. Гумеров Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО.– 2016.– № 5.
12. *Валянский С., Калюжный Д.* Русские горки: Конец российского государства.– М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», ООО «Транзиткнига», 2004.
13. Медведев рассказал, как работает политика импортозамещения. URL: <https://rueconomics.ru/194626-medvedev-rasskazal-kak-rabotaet-politika-importozameshcheniya> (дата обращения: 15.10.2017).
14. Назван размер средней российской зарплаты. URL: <https://news.mail.ru/economics/30715490/?frommail=1> (дата обращения: 16.09.2017).
15. Каждый десятый россиянин посетовал на нехватку денег на продукты. URL: <https://news.mail.ru/society/30227870/> (дата обращения: 16.09.2017).
16. Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка № 12: (Двадцатая сессия, 1999 год). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Repcomm12s.html> (дата обращения: 15.09.2017). (Substantive issues arising in the implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: General comment 12. The right to adequate food/) URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G99/420/12/PDF/G9942012.pdf> (дата обращения: 30.11.2017).
17. Совещание по вопросам развития сельского хозяйства // Интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55830> (дата обращения: 15.10.2017).